

Национально-освободительная борьба балканских народов и крымская война

Belova, Elena

Veröffentlichungsversion / Published Version
Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Belova, E. (2016). Национально-освободительная борьба балканских народов и крымская война. *Science Journal of Volgograd State University: History - Area Studies - International Relations*, 21(4), 56-68. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.6.6>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer CC BY Lizenz (Namensnennung) zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den CC-Lizenzen finden Sie hier:
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.de>

Terms of use:

This document is made available under a CC BY Licence (Attribution). For more Information see:
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.6.6>

UDC 94(47)«1840/1856»

LBC 63.3(2)

Submitted: 30.10.2016

Accepted: 08.11.2016

THE NATIONAL LIBERATION STRUGGLE OF THE BALKAN PEOPLES AND THE CRIMEAN WAR

Elena V. Belova

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the stages of the national liberation struggle of the peoples of South-Eastern Europe against the Ottoman Empire. The Russian Empire supported the Christian population and helped the southern Slavs and the Greeks to get free from the Ottoman dependency. But Emperor Nicholas I opposed the revolution. The 1850s were marked by the strained political and economic relations between Russia, Turkey, Britain, France and other European States. The Bulgarian and the Greek bourgeoisie had moved from enlightenment activity to the political one. Bulgarians, Serbs, Moldovans, Greeks joined the volunteers and defended national interests with the weapon in hands. During the Crimean war the Russian command created military units on the territory of the Danubian principalities. Volunteers fought on the Danube, in Moldavia and Wallachia, and the Crimea. They protected the borders, defended the bastions of Sevastopol. The subject of the research is the organization of volunteer groups, national and social composition of the groups. The role of volunteers was of an exclusive political significance. The number of volunteers in the ranks of Russian troops was insignificant. But the volunteers were guides of Russian policy in the Turkish lands. They represented the fighting core.

Key words: Crimean war, volunteers, Bulgarians, Serbs, Greek battalion, Lipovans, Danubian principalities, uprising, Nicholas I, I. F. Paskevich-Erivansky, G.S. Rakovsky.

УДК 94(47)«1840/1856»

ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 30.10.2016

Дата принятия статьи: 08.11.2016

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ И КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Елена Владимировна Белова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются этапы национально-освободительной борьбы народов Юго-Восточной Европы против Османской империи. Российская империя поддерживала христианское население и помогала южным славянам и грекам освободиться от османской зависимости. Но император Николай I выступил против революции. В 1850-е гг. обострились политические и экономические отношения между Россией, Турцией, Англией, Францией и другими европейскими государствами. Болгарская и греческая буржуазия перешла от просветительской деятельности к политической. Болгары, сербы, молдаване, греки вступали в волонтеры и с оружием в руках защищали национальные интересы. В период Крымской войны русское командование создавало отряды на территории Дунайских княжеств. Волонтеры сражались на Дунае, в Молдавии и Валахии, Крыму. Они занимались охраной границ, ходили в разведку, защищали бастионы Севастополя. Предметом исследования является организация волонтерских формирований, национальный и социальный состав отрядов. Роль волонтеров носила исключительно политическое значение. Численность волонтеров в рядах русских войск была незначительной. Но волонтеры являлись проводниками русской политики на турецких землях. Они составляли боевое ядро.

Ключевые слова: Крымская война, волонтеры, болгары, сербы, греческий батальон, липоване, Дунайские княжества, восстание, Николай I, И. Ф. Паскевич-Эриванский, Г.С. Раковский.

В XIV в. на Балканах появился опасный враг – османские турки, захватившие Малую Азию у византийцев (совр. Турция). Участвуя в междоусобицах христианских правителей, турки захватывали балканские земли. В 1371 г. на р. Марице при Черномене османы победили македонских правителей. В 1385 г. пал болгарский центр Средец (совр. София). Битву на Косовом поле (1389) сербы до сих пор воспринимают как национальную трагедию – в ней погиб цвет нации. Македония, Сербия, Болгария, Босния, Герцеговина и другие балканские государства признали себя вассалами султана, а христианское население бежало в Валахию, Молдавию, Украину. С падением Константинополя в 1453 г. отношения Московской Руси с балканскими народами приобрели иной характер. Иван III, женившись на дочери последнего императора Византии Константина XI Палеолога Софье, провозгласил Москву «Третьим Римом». Впервые идею о том, что Русь принимает на себя ответственность за спасение православного мира, в 1038 г. высказал Илларион, которого Ярослав Мудрый поставил править киевской митрополией без согласования с константинопольским патриархом. До середины XVII в. Россия, борясь за выход к Балтийскому морю, избегала прямых столкновений с турками. Воссоединение Московской Руси с Украиной в 1654 г. привело к необходимости ее включения в череду войн, направленных против турок-мусульман. Русско-турецкие войны (1676–1681, 1686–1699, 1710–1713) расшатывали могущество султанской империи. Прутский поход, предпринятый Петром I в 1711 г., показал слабость русской политики на Востоке. Ситуация стала меняться в 1730-е годы. Политические успехи России в Молдавии и Валахии дали надежду христианским народам на освобождение от Османской империи. Осенью 1736 г. состоялась тайная поездка валашского ворника П.Г. Другэнеску в Россию. Через семьи Кантемиров и Кантакузинов он обратился к российскому правительству от имени валашского духовенства и боярства с просьбой освободить Валахию от османского ига [18]. На новом витке русско-турецких отношений Россия подтвердила стратегическую линию во внешней политике: ослабить Османскую империю, освободить православное население,

подвластное Порте, от многовекового ига. Начиная с 1737 г. российские дипломаты принимали конкретные меры по защите интересов единоверцев. Впервые в международный договор они включили статью о защите мирного населения, угнанного в рабство. На основании статьи 7-й Белградского договора (1739) пленные «без размена и выкупа за деньги, все и без всякого изъятия немедленно освобождены и отпущены быть имеют».

В 1750-е гг. правительство Елизаветы Петровны в связи с демилитаризацией пограничных войск в империи Габсбургов призвало сербских гранычар на службу в Россию. Создавая военные поселения, Санкт-Петербург в общеимперской политике решал сразу две важнейшие задачи: во-первых, был поставлен заслон на границе от татар; во-вторых, понижался властный импульс запорожцев, чей политический и социальный статус мешал проведению централизованной политики. Привлечение славянского населения давало возможность использовать его для антитурецкой борьбы на малонаселенных участках окраины Российской империи, объединив передовые военные знания Запада и Востока [1].

В правление Екатерины II Россия дважды вела войны с Турцией (1768–1774, 1787–1791). Екатерина II, призывая балканские народы к борьбе с оружием в руках, выражала желание правящих кругов иметь сторонников русской миссии в Европейской Турции. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору (1774) Россия добилась независимости Крымского ханства и права защищать интересы православного населения Турции. Русские корабли получили такие же привилегии в Черном море, как французские и английские. Англия опасалась, что занятие Россией Босфора и Дарданелл превратит Черное море в русское озеро. После заключения Ясского мирного договора (1791) к России отошли земли между Бугом и Днестром, куда на постоянное место жительства приглашались жители Балкан и Дунайских княжеств. В 1792–1794 гг. началось строительство многонациональных городов в Новороссии и Левобережном Поднестровье, получивших торговые льготы.

В конце XVIII – первой половине XIX в. в Турции отмечалась слабость султанской власти. Вооруженные выступления пашей про-

тив Стамбула совершались все чаще. Идея борьбы национально-освободительных движений в Анатолии (Европейская Турция) приняла новые формы – от расширения прав немусульманского населения до полной независимости. Систовский мир (1791), подписанный Османской и Австро-Венгерской империями, ознаменовал перемены в управлении пашалыками. Белградский пашалык, граничивший с Габсбургами, получил значительные послабления, оформленные фирманами султана (1793–1794). В частности, разрешалось строительство церквей, введение элементов местного самоуправления, охрана границы сербскими отрядами и создание милиции.

Сербский народ добивался прав Белградского пашалыка на автономию. В феврале 1804 г. на Балканах началось самое крупное по масштабам и длительности восстание – Первое сербское восстание (1804–1813). С началом русско-турецкой войны 1806–1812 гг. сербы выступили с требованием создания независимого государства и восстановления прав наследственной династии. Европа в этот период воевала с Наполеоном I. В Бухарестский мирный договор (1812) российские дипломаты вставили статью о признании Сербского княжества автономией. Однако турки не только отклонили это требование, но и жестоко подавили восстание. Позже путешественник М. Бланки, выступая с лекцией в Парижской Академии наук, с ужасом рассказывал о памятнике из четырехугольной пирамиды в 4 тыс. черепов – останков сербских повстанцев возле ворот Ниссы (совр. Ниш) [3, с. 676].

В 1821 г. в Греции развернулась война за освобождение. В восстании приняли участие и македонские болгары, населявшие Юго-Западную Грецию и мечтавшие о независимом государстве – Эгейской Македонии. В 1822 г. Греческое Национальное собрание провозгласило суверенитет Греции и приняло конституцию. Николай I, проводивший консервативный курс, выступил против принятия Конституций в Греции и Сербии. Однако и Франция, и Англия опасались усиления русской миссии среди греков. Летом 1827 г. в Лондоне была подписана конвенция между Россией, Францией и Англией о коллективном вмешательстве в дела Турции и требовании предоставить Греции автономию. В секретной статье, предло-

женной Россией, три государства планировали объединить усилия морских эскадр в Средиземном море. После того как Турция отказалась от предъявленных претензий, турецко-египетский флот был разбит в Наваринском сражении (1727). Русско-турецкая война 1828–1829 гг. закончилась заключением Адрианопольского мирного договора, в который внесли статьи Аккерманской конвенции (1826). Гарантировалась автономия Дунайских княжеств и Сербии. В 1829 г. султан издал фирман, предоставлявший Сербскому княжеству автономию. В 1830 г. в Лондоне Россия, Франция и Англия подписали протокол, по которому признавалось образование Королевства Греции.

После Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. болгарское «население было ободрено и материально улучшено». Для болгар вопрос независимости был неразрывно связан с вопросом предоставления автокефалии Болгарской церкви, подчинявшейся Константинопольскому Патриарху. Тырновский митрополит Илларион и повстанцы восстали против Цареградской патриархии. В 1835 г. Г. Мамарчев и Г.С. Раковский организовали в Силистре Велчову заверу. Академик Ст. Дойнов считает Велчовский заговор началом организованной национально-освободительной борьбы болгар. В 1836 г. население Берковиц выступило против греческого духовенства [14; 16]. М. Бланки, путешествуя по Европейской Турции, вспоминал: «С уважением и чувством видел я, как строго соблюдается целомудрие в хижинах Болгарских жителей, и особенно тех, которые принадлежат к Славянскому племени. Несчастье, которое так долго тяготеет над ними, кажется, очистило их; характер их отвердел под жестокими испытаниями, которым подвергал их торжествующий исламизм... С радостью видишь награду за эти добродетели в мужественной наружности Болгаров, в здоровье их детей, в их скромном благосостоянии... Так я во время присутствия моего в Татарбазарчике при богослужении, которое совершалось в немногих церквях, смотря на высокий рост мужчин и скромную одушевленность женщин, почитал себя перенесенным в Германию или Венгрию» [3, с. 678]. В те годы, спасая жизнь от турок, в Валахию, Молдавию и Бессарабию бежало

более 150 тыс. жителей из Фракии и Болгарии [12, с. 29].

В 1839 г. пришедший к власти султан Абдул-Меджид I издал Гюльханейский хатт-и-шериф, провозгласивший равенство всех подданных султана (мусульман и «неверных»). С 1840 г. католические духовные лица Франции могли справлять службу в Иерусалиме. Многие македонцы, сербы и болгары жаловались, что священники агитируют перейти из православия в католичество. Для усиления влияния европейские правительства давали в ускоренном режиме гражданство купцам и владельцам торговых судов, уроженцам Европейской Турции.

Политические, социально-экономические, национальные противоречия привели к череде восстаний в болгарских землях. В 1841 г. болгарин Г.С. Раковский создал тайное общество для подготовки вооруженного восстания в Греции и Болгарии. В 1841 г. в Нишском и Лясковском уездах выступления крестьян османы подавили с особой жестокостью. Население бежало через Сербию в Дунайские княжества. Раковский эмигрировал во Францию [14; 16]. Борясь за право богослужения на церковнославянском языке (а не греческом), 10 декабря 1846 г. болгарские активисты через генерального консула в княжествах Молдавия и Валахия Я.А. Дашкова подали записку Николаю I «с подробным описанием претерпеваемых болгарам притеснений, в особенности в отправлении обрядов православной веры». Болгарская буржуазия установила контакты с официальными и общественными кругами Российской империи. Занимаясь просветительской деятельностью, патриоты убеждали российскую администрацию в необходимости предоставления мест в учебных заведениях для бедных болгар, которые могли бы стать идейными проводниками России. Коммерсант и просветитель В.Е. Априлов добился от российского правительства для болгар, обучавшихся в Одессе, государственных стипендий. В 1847 г. в Киев прибыли первые 35 воспитанников из болгар для обучения в Императорском св. Владимира университете [12, с. 29, 35].

В 1850 г. между Россией и Францией спор о святых местах достиг пика. Католики и православные оспаривали право обладания клю-

чами от Вифлеемского храма Рождества Христова (совр. Палестинская автономия). Здесь, в Гроته Рождества, сохранился колодец, куда упала звезда – символ рождения Христа. Летом 1850 г. более тысячи болгар – уроженцев Болгарии, Фракии, Македонии обратились в Санкт-Петербург с просьбой о защите [12, с. 29]. Они жаловались, что священники агитируют перейти из православия в католичество. Недалеко от Тырново есть городок Лясковец. В 1850-е гг. семья Калянджи вместе с другими лясковчанами под руководством архимандрита М. Райковича выступала против греческих фанариотов. Цани Калянджи, сын участника Греческой заверы (Греческое восстание, 1821), сжег греческие книги во дворе церкви [14; 16].

Усиление гнета райи с введением сбора налогов «чифтлик-сахибаи» привело к новым выступлениям. В 1850 г. в Раковском монастыре собрались представители Видинского, Ломского, Кульского, Белградчикского окулий (областей). Члены повстанческого штаба решили обратиться за вооруженной помощью к Сербии, но та не могла помочь оружием. Вооружившись топорами, серпами и косами, крестьяне окружили турецкие гарнизоны Белградчика, Лома, Видина. В восстании приняли участие до 15 тыс. человек. Малочисленные отряды башибузуков разбили повстанцев в Северо-Западной Болгарии.

Церковный спор двух империй быстро перерос в военно-политический конфликт. В 1949 г. турки под руководством французских инженеров приступили к укреплению Силистрии. Главными опорными пунктами при переходе через горы французы выбрали Варну и Шумлу (Шумен), в которых проживало около 30 тыс. ревностных мусульман. 2 декабря 1851 г. во Франции к власти пришел Наполеон III, власть которого Николай I признал нелегитимной. Понимая непрочность своего положения, французский император пытался отвлечь население от внутренних проблем. В декабре 1852 г. ключи от Вифлеемского храма Турция передала Франции. 15 декабря по указанию Николая I в боевую готовность были приведены 4-й и 5-й пехотные корпуса и Черноморский военный флот. Николай I не сомневался, что если война начнется, то Османская империя «рухнет... и последствия этого

могут быть неисчислимы», о чем он писал двадцатилетнему австрийскому императору Францу-Иосифу [4, с. 648]. 7 января 1853 г. Николай I подготовил записку, в которой описал план быстрой войны. Император считал, что «сильная экспедиция с помощью флота в Босфор и Царьград может решить все скоро» [4, с. 649]. Одной из главнейших причин борьбы за море являлась экономика. Состояние торговли на Черном море сильно зависело от свободы и безопасности русского судоходства. Одесса – центр свободной предпринимательской деятельности – привлекала иностранцев льготными условиями торговли. В основном из Одесского порта экспортировали пшеницу. К середине XIX в. в Одессе зарегистрировались 67 крупных торговых компаний. Оборот внешней торговли грека А. Ралли, поселившегося в Одессе в 1822 г., накануне Крымской войны составил 2 млн рублей. Ежегодный оборот владельца судов и пароходов, купца 1-й гильдии Ф. Родоканаки в 1853 г. составил 3 390 295 рублей [15, с. 208–210].

С целью решения вопроса о святых местах Николай I 11 (23) февраля 1853 г. отправил в Константинополь А.С. Меншикова. Чрезвычайный посол получил от канцлера К.В. Нессельроде инструкции, по которым следовало убедить Порту в необходимости обратить внимание на западную экспансию, ведущую к потерям Турции. В Санкт-Петербурге были уверены, что необходимо усилить влияние России на Востоке, заменяя постепенно католицизм на православие. В случае сопротивления на аудиенции Меншикову разрешалось припугнуть турок признанием Россией независимости Дунайских княжеств. В Санкт-Петербурге подготовили договор о секретном оборонительном союзе, по которому Россия обещала Турции вооружение в случае нападения на нее третьего государства. 24 февраля (8 марта) Меншиков передал послание Николая I Абдул-Меджиду I. Сменивший министра иностранных дел Фуаду-пашу Рифат-паша был уверен во враждебных намерениях России. Две встречи, состоявшиеся между Рифат-пашой и Меншиковым 4 (16), 10 (22) марта, привели в конечном итоге к согласию по вопросу о святых местах.

Осмотревшись на месте, 12 (24) марта 1853 г. Меншиков из Константинополя под-

робно изложил свой взгляд на план войны Николая I. Он предположил сложности высадки в районе Босфора. Взамен князь предложил организовать рейд в Варне или Бургасе. Эффекта, который хотел произвести Николай I, не получилось. Уступая точке зрения Меншикова, Николай I вызвал к себе генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича-Эриванского. Тот подготовил документ о занятии русскими войсками Дунайских княжеств. 8 апреля собственноручно Николай I написал записку. Император, понимая, что произвести высадку десанта в районе Босфора не представляется возможным, утвердил предложение о десанте в Бургасе. 38 батальонов, по мнению Николая I, реально было доставить морем, 4-й пехотный корпус мог бы вступить в Дунайские княжества и занять Валахию [4, с. 660]. 23 апреля (8 мая) Меншиков получил новые инструкции из Санкт-Петербурга. Пойдя частично на уступки, Меншиков потребовал оформления положений сенедом. Султан частично выполнил требования Меншикова. По мнению Турции, сенед нарушал суверенитет государства. Абдул-Меджид I издал фирман о нерушимости прав греческой церкви на святые места.

Демонстративное поведение и отъезд Меншикова вызвали массу кривотолков в политических кругах. Клубок политических, экономических и церковных противоречий, получивших название Восточного вопроса, привел к Крымской войне (1853–1856). 16–17 мая Николай I составил «Предположения действий при разрыве с Турцией». Войска вводились в княжества Валахия и Молдавия до момента удовлетворения Турцией требований России. Если же принятых мер будет недостаточно, то император счел нужным блокировать Босфор и объявить независимость Сербии. В то же время Николай I предполагал, что Австрия, которой Россия помогла подавить венгерское восстание 1849 г. и сохранить империю, займет Сербию и Герцеговину и, таким образом, русским войскам не нужно будет переходить Дунай. Однако Франц-Иосиф опасался усиления национально-освободительного движения в Европе. Австрия не желала противоборствовать по европейским делам (Бельгия, Италия, Швейцария) Наполеону III, который только и мечтал вмешаться в восточную по-

литуку. С целью противодействия русским Англия и Франция ввели эскадры в Безикскую бухту, недалеко от Дарданелл.

21 июня (3 июля) 1853 г. русские войска перешли границу по реке Прут и вступили в османские владения. Абдул-Меджид I под нажимом французских и английских дипломатов потребовал вывода русской армии из княжеств. В августе константинопольские болгары обратились за помощью к русскому царю. А сентябре 1853 г. делегаты 37 приходов Северо-Западной Болгарии прибыли в Бухарест – место расположения Главного штаба русской армии. Делегаты от имени болгарского народа уверяли Николая I в военной и материальной поддержке в случае войны. Делегаты пообещали при переходе русских войск на правый берег Дуная снарядить 3 тыс. волонтеров. Агенты сообщали русскому командованию о подготовке крестьян к борьбе. Главнокомандующий войсками на юго-западных границах генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич-Эриванский настаивал на выдаче болгарам и сербам пороха и оружия [5, с. 155].

Не получив положительного ответа, Османская империя 4 (16 октября) объявила войну России. В октябре 1853 г. под командованием генерала от артиллерии князя М.Д. Горчакова в Дунайских княжествах насчитывалось 82 тыс. человек. 18 (30) ноября 1853 г. вице-адмирал П.С. Нахимов разбил турецкий флот в Синопской бухте. Через неделю после описанных событий русское командование подготовило «Положение для формирования батальона волонтеров в Придунайских княжествах». Лидеры болгарской эмиграции развернули активную деятельность. Врач Иван Селиминский получил распоряжение от Горчакова составить список из 400 человек, желающих вступить в волонтеры. Павел Калянджи, старший сын лясковецкого болгарина Ц. Калянджи, участника восстания 1850 г., принял русское подданство и поступил в волонтеры. К концу декабря 2 тыс. молдаван и валахов подали заявление о приеме в волонтеры. Добровольцам выдали оружие, солдатские шинели, казакины, мундиры. Самому молодому насчитывалось 18 лет от роду, самому старшему – 46 лет. Коллежский регистратор Филоненко, служивший при военном министерстве России, с началом войны выехал

в Бухарест и вступил в волонтеры. Он был назначен командиром роты молдавских и валахских волонтеров [9, л. 1 об.–4, 6]. По численности отряды укомплектовывались неравномерно. В болгарском отряде Павла Громова, соратника революционера Г.С. Раковского, в списке значилось более 300 человек, в сербских отрядах волонтеров насчитывалось значительно меньше. Они поступили под командование генерала А.Н. Лидерса. 2-й болгарской ротой командовал Михаил Хаджи Киркович. 2-я и 3-я роты состояли в Молдаво-валахском отряде под командованием генерал-лейтенанта П.П. Липранди [2]. Так как изначально вступать в волонтеры разрешалось жителям Дунайских княжеств, прибывшие из Европейской Турции обращались лично к князю Паскевичу. Например, греческий подданный Иван Константин (Яни) по распоряжению кн. Паскевича вступил в волонтеры 6 декабря 1853 г. в г. Крайове. В Бухаресте сформировали три греческих батальона из жителей островной Греции [9, л. 394].

В декабре 1853 г. Россия пыталась договориться об отправлении 10 000 ружей сербам через Австрию. Но австрийское правительство в резко негативных тонах отказало. С января 1854 г. Горчаков установил наблюдение на линии река Ольта – река Веда. Под командованием генерал-майора Попова, генерал-лейтенантов Соймонова, Павлова, Богусhevского 48 батарей, 32 эскадрона, 22 сотни, 156 отрядов сосредоточились в Большой Валахии. Турки безуспешно предпринимали попытки переправы в нижнем и среднем течении Дуная. 1 января 1854 г. 2 тыс. турок из Силистрии переправились на левый берег, но подошедший вовремя батальон Люблинского полка предотвратил дальнейшее продвижение турок, вынужденных бежать. Неудачи постигли турок и со стороны Рушука и Туртукая. В полученной инструкции от Горчакова офицерам рекомендовалось обстреливать врага сосредоточенным перекрестным артиллерийским огнем и огнем штуцерных. Взаимодействие казаков и артиллерии дало положительные результаты. Во время военных действий в Дунайских княжествах отличились сербский уроженец Том Буртич, старшина Видинского округа Западной Болгарии Дмитрий Панов и его товарищи Стоян Николаев, Дмитрий

Мильков, Пырву Станков, Пырван Попанинов, Петко Спасов, Петр Стоянов, Николый Христов, житель г. Крайова болгарин Ангеле Вего и жители Малой Валахии Радуле Биволане, Стамете Добря, Христо Димитриу, Георгий Анастасиу [12, с. 43]. Начавшаяся оттепель затруднила ход военной кампании. Лошади, орудия, люди вязли в грязи. 9 января командующий войсками переехал в Малую Валахию, задумав наступление на Калафат, но из-за отсутствия жилья вблизи крепости план изменили. По воспоминаниям русских генералов, Горчаков о наступлении говорил много и пафосно, но стратегия главнокомандующего заключалась только в обороне дунайского плацдарма.

Болгарская буржуазия в эмиграции перешла от просветительской к политической деятельности. Создав «Одесское болгарское настоятельство» в феврале, болгарская интеллигенция и буржуазия занялись подготовкой восстания в Турции. 11–13 марта 1854 г. русские корпуса форсировали Дунай у Галаца, Измаила, Тульчи, устремаясь к крепости Силистрия, которую турки не успели укрепить. Население Северной Греции восстало против турок. В войну вмешались «великие державы». 27–28 марта правительства Англии и Франции объявили войну России. 4 апреля 1854 г. одесский болгарин Н.Х. Палаузов подал военному командованию «Записку о Болгарии». Болгарский лидер уверял, что тысячи болгар готовы принять участие в борьбе за освобождение при совместных действиях с русскими войсками. Участие православного населения Турции на стороне русской армии соответствовало планам русского командования. В конце апреля в Болгарии агенты распространили послание Паскевича «Единоверным братьям нашим в областях Турции» [5, с. 158, 160]. По оценкам, под ружье готовы были встать не менее 70 тыс. южных славян [11, с. 22]. Ц. Калянджи, участника русско-турецкой войны 1828–1829 гг., прикомандировали к штабу русской армии. В предыдущей войне он находился в волонтерском отряде полка П.П. Липранди. Теперь же, имея опыт и знания, Калянджи занимался организацией болгарских чет на болгарской земле. За заслуги перед Российской империей Ц. Калянджи наградили золотой медалью с Владимирской

лентой для ношения на шее и присвоили звание почетного гражданина [14; 16].

18 мая русские начали осаду Силистрии. Инженер-генерал Шильдер предложил взять крепость за две недели, но Паскевич намеревался взять Силистрию за три недели, при этом он не блокировал сообщение командования крепости с Шумлой (Шумен) и Рушукюм [17]. Начальнику штаба генерал-адъютанту П.Е. Коцебу Паскевич приказал взять только болгар из трех рот батальона Г. Забалканского и отправиться в горы Делиорман (Южная Добруджа). Вместе с волонтерами Паскевич надеялся выставить 85 тыс. человек, но собрать под Силистрией удалось только 42 тысячи. 25 мая прибыли батальон Г. Забалканского и конный взвод К. Пенчева, которые в составе команды генерал-лейтенанта С.А. Хрулева выполняли дозор и охрану на линии Силистрия – Шумла. 1 июня батальон Забалканского, в состав которого входили болгары, валахи, молдаване, при совместном действии с отрядом унтер-офицера отбили у липован близ села Афлатарь знамя, оружие, лошадей [9, л. 37]. На Дунайском фронте под командованием дивизионного генерала Мехмед-Садых-Паши (Михаила Савельевича Чайковского) против русских в турецкой армии служили липоване, запорожские казаки – потомки казаков Задунайской Сечи и некрасовцы. Чайковский позже переехал в Россию, был амнистирован [9, с. 322–325]. 3 июня волонтеры Забалканского отразили атаку турок возле села Бабу. Хрулев отмечал образцовую службу волонтеров роты чиновника военного ведомства Филоненко [9, л. 37]. В 1854 г. в Лясковецком монастыре Н. Филиповский организовал чету. Иван Цанев Калянджи, сын Цани Калянджи, после окончания в 1854 г. историко-филологического факультета Киевского университета прибыл в Силистрию. В июне 1854 г. Г. Раковский выехал на восток Болгарии. В 1829 г. Георгий уже принимал участие в войне под Силистрией, но тогда вместе с русскими войсками в 1836 г. он покинул крепость. На территории Старой Планины при совместном действии с русской армией Раковский и Филиповский надеялись поднять восстание. Калянджи обещал им поддержку [14; 16], однако собрать они смогли только небольшой отряд. Призывая болгар к борьбе против обще-

го врага, агитаторы получили от русского командования указания объяснять населению, что на данном этапе Николай I не желает открытого восстания.

Из-за возникших разногласий с Австрией Паскевич решил отвести войска от Дуная. 10 июня русские войска начали переправляться на левый берег. Опасаясь репрессий, вместе с армией родину покинули более 6 тыс. болгар, всего 900 семей. Князь Горчаков распорядился выдать беженцам почти 6 тыс. руб. серебром на пропитание, 1 500 руб. на фураж для лошадей и еще 2 тыс. руб. бедным. Русские офицеры собрали для болгар 400 полумпериалов (золотые монеты достоинством в 5 руб.) [7]. Действительному статскому советнику А.П. Озерову, братьям Н.Хр. и С.Н. Палаузовым, И. Калянджи поручили заниматься переселенцами и сопровождать их в Бессарабию. Беженцы поселились в 62 болгарских колониях. С 1855 г. Калянджи работал учителем в Болграде, а позже – попечителем болгарских колоний в Бессарабии.

После ухода русских войск из-под Силистрии Омер-паша перешел в наступление. К Рушуку он подтянул 30 тыс. человек, которые Омер-паша планировал переправить через Дунай с целью захвата острова Радаман. Малолетний болгарин Райчо Николаев предупредил русское командование о готовящейся высадке турок на остров Радаман. Находясь в батраках у рушукского кожевника, мальчик сбежал от своего хозяина и переплыл Дунай. Солдаты привели Райчо к князю Горчакову, которому юный болгарин рассказал о замыслах турок. Два дня спустя данные подтвердились: турки действительно переправились на остров Радаман, а потом в Журжу [13]. 25 июня при битве за Радаман османы понесли крупные потери. В районе Журжи турецкому отряду оказала сопротивление 10-я пехотная дивизия, в рядах которой находились волонтеры из Дунайских княжеств. Позже они получили награды за сражение. Командира 3-й греческой роты Феофила Папандопуло наградили орденом Св. Анны 3-й степени с бантом [9, л. 145]. В январе 1855 г. по предоставлению генерал-лейтенанта Самойлова Райчо Николаева отправили учиться за казенный счет в ремесленное учебное заведение ведомства Московского воспитательного дома [8, л. 23].

С 1 июня волонтеры перестали получать жалованье. 23 июня Николай I выразил желание распустить волонтеров и разоружить валахские и молдавские войска. Командирам разослали приказ: с собой волонтеров из Дунайских княжеств не уводить, а распустить по домам. В то же время уроженцам Болгарии, Сербии и Греции разрешалось остаться в армии, но не вместе, а по полкам [9, л. 1]. В конце июня начался процесс роспуска батальонов, сформированных в Дунайских княжествах. Накануне роспуска в 1-м батальоне насчитывалось 651 человек, во 2-м батальоне – 684 человека. Молдаване и валахи, прикомандированные к полкам 15-й пехотной дивизии и ко 2-й бригаде 14-й пехотной дивизии, уволились со службы по собственному желанию. В 1-м сербо-болгарском батальоне по списку на месте находилось 294 человека, во 2-м – 604 серба и болгарина. Большую часть распустили. Амуницию, оружие и патроны отправили в Измаил. На 1 августа в распоряжении генерал-адъютанта А.Н. Лидерса находилось 348 болгар и валахов. При 10-й пехотной дивизии служили 133 болгарина [9, л. 18–19]. Одну роту молдавско-валахских волонтеров перевели к Алексопольскому егерскому полку. В 8-й роте полка теперь служили 86 пехотинцев из валахов и молдаван. В Украинский егерский полк для прохождения военной службы направили 12 офицеров и 112 рядовых [9, л. 97]. В Азовский пехотный полк направили 124 волонтера. Состав волонтеров по национальному и социальному признаку в полку был неоднородным. Прапорщик Панфилий Маламарчук, унтер-офицеры Стефан Ковачев, Иван Стоянов происходили из дворян, прапорщики серб Георгий Елич и болгары Павел Громадов, Янко Николаев, Кирияк Андреев, Мирон Бешков, Янко Наумович, Живко Стоянов, Апостол Бочков, Атансий Изванков, Михаил Лисидов, фельдшер Константин Бионтов – из купеческого сословия [9, л. 94].

По понятным причинам не все волонтеры приписывались к полкам. Батальонного командира болгарских волонтеров Забалканского со службы уволили. Тот прибыл в Фокшаны, где располагалась штаб-квартира Горчакова. Бывший командир подал прошение командующему. Забалканский писал: «Нынешние затруднительные для нас обстоятельства

заставляют меня всепокорнейше просить Ваше сиятельство прикомандировать меня, 5-го пехотного корпуса к одному из полков 15 пехотной дивизии, где я буду исполнять всю возложенную на меня обязанность». Волонтерские роты Забалканского расформировали по полкам. Оставшись без команды, бывший батальонный командир стыдился своего положения («Ибо иначе я позор для всех»). Хрулев в ходатайстве отмечал, что Забалканский оставил свое имение и находится на собственном обеспечении. 8 августа Горчаков резюмировал: «Отказать» [9, л. 39–40]. Приказ был обязателен для всех: Забалканский проживал в Бессарабии.

По воспоминаниям ополченца из Южной Бессарабии А.В. Рачинского, в октябре 1855 г. в колониях задунайских переселенцев поселилось немало волонтеров, ушедших вместе с армией Горчакова из-под Рушук и Силистрии. Все они были без средств к существованию. Вся тяжесть по их обеспечению легла на плечи колонистов. 2 167 болгар и греков по причине неустроенности покинули колонии. В одном из домов Рачинский встретил хозяина – участника Мачинского восстания 1836 года. Болгарин рассказал о бесчинствах турок на родине, его скитаниях, пока не нашел в Бессарабии дальних родственников. Рачинский с нежностью вспоминал: «После грубого приема молдаван и радушия немецкого за деньги как-то отрадно дышалось в этом доме единоверцев, о которых я доселе не имел никакого представления» [11, с. 12].

При 9-й пехотной дивизии числилось 912 греческих волонтеров. В 1-м греческом батальоне служило 460 человек, во 2-м – 430 человек, в 3-м – 189 человек. По списку налицо было 878 человек. Уволился в отставку 231 человек. В двух греческих батальонах осталось 647 человек. Опросив греков, командование пришло к выводу: «Они теперь в положении: оставляя службу, должны или умереть с голоду, или по нерасположению к ним валахов должны быть схвачены и выданы туркам. Границы для них закрыты». 340 греческих волонтеров изъявили желание уйти со службы [9, л. 14, 55]. Но что было делать с остальными? С.Н. Палаузов обратился к русскому командованию с предложением сформировать конный полк в составе 500 волонте-

ров. Его проект отклонили как несвоевременный. Волонтеры в отдельных боевых единицах не выдерживали дисциплины [2]. 11 августа 1854 г. Горчаков докладывал военному министру В.А. Долгорукову о сложности отпуска: «4 тысячи сербов, болгар, греков – уроженцев Греции, Сербии, Болгарии не имеют ни оседлости, ни родственников в княжествах, ни средств к существованию». И далее он писал Долгорукову: «Я оставлю тех, кто не может возвратиться». Командующий предложил оставить волонтеров на службе «в низовьях Дуная и по берегу морскому». Горчаков предлагал понизить жалованье: «...но нельзя им того содержания, какое было положено при их сформировании. Отныне рядовые вместо 26 коп. в сутки будут получать 6 руб. серебром в месяц, ротные командиры – 30 руб., младшие офицеры – 15 руб.» [9, л. 43–45]. Долгоруков, ознакомившись с ситуацией, посчитал отпуск преждевременным, о чем он доложил государю. 1 сентября грекам объявили новые условия. 19 августа Николай I распорядился изучить вопрос о приписке греческих волонтеров к греческому поселению по примеру Греческого Балаклавского батальона. К тому времени уже было известно, что крымские татары собираются массово покинуть Евпаторию. Однако командующий без губернских властей не мог выполнить волю монарха. Под грифом «Секретно» П.Е. Коцебу отправил запрос Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору, генерал-адъютанту Н.Н. Анненкову. Так как Балаклавский батальон имел особые привилегии и оседлость, это означало, что вновь вступающим волонтерам необходимо выделить земельный участок в личное пользование с последующим освобождением от налоговых выплат. 22 августа Омер-паша занял Бухарест. Путь на родину волонтерам был закрыт.

7 сентября 132 греческих волонтера из 10-го пехотного полка подали прошение принять в отряд Ушакова, который из Добруджи перешел на Нижний Дунай. 115 из них, по сведениям из рапорта, остались довольны уменьшенным жалованьем [9, л. 58].

8 (20) сентября состоялось первое крупное сражение на реке Альме. 10-й и 12-й пехотные корпуса направили в Крым. Волонтеры вместе с солдатами и офицерами участво-

вали в Балаклавском и Инкерманском сражениях. При атаке английского лагеря под Инкерманом был убит генерал-лейтенант И.Ф. Соимонов, с которым волонтеры прошли весь путь с марта 1854 года. В Одессу начали прибывать греки, служившие ранее в батальонах, сформированных в Дунайских княжествах. 76 человек лично подали прошения с просьбой отправить их в Крым. Генерал-адъютант Лидерс формально запросил разрешения у главнокомандующего Южной армией генерал-адъютанта князя Горчакова, но, не дожидаясь ответа, написал Меншикову ходатайство. В рапорте он указал: «И еще говорят, что 300 хотят». Меншиков принял решение вновь принимать уроженцев Турции [9, л. 51–53]. 740 греков вошли в состав вновь сформированного батальона при гарнизоне Измаильской крепости. Греческий батальон и 200 сербов отправились в Крым в распоряжение генерала С.А. Хрулева, в отряде которого насчитывалось 15 тыс. человек. Волонтеры сражались за Евпаторию и Севастополь, Байдарскую долину. Греков, оборонявших Четвертый бастион, наградили медалями «За защиту Севастополя». Среди участников сражения на Черной речке 4 августа было немало тех, кто отражал атаки турок на Дунае [2].

Сербы и болгары, из которых сформировали три роты, дислоцировались в Измаиле. Командир 2-й роты Константин Сатира из батальона Забалканского получил увольнение 2 июня 1854 года. Девять месяцев волонтер проживал без жалованья. В марте он подал прошение принять его в роту к болгарам. Лидерс написал резолюцию: «Принять» [9, л. 308]. 27 марта ротные командиры Д. Стоянов и П. Громадов подали прошение Лидерсу с просьбой отправить их в Крым. Однако Лидерс, давая свое заключение Горчакову, сменившему в феврале 1855 г. Меншикова, посчитал, что волонтеры нужны на Дунае, куда планировалось перенести военные действия. 20 апреля Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор Анненков передал военному министру докладную записку с предложением привлечь волонтеров на службу в Дунайское казачье войско. 26 мая начался прием волонтеров в Дунайское казачье войско, в котором поступившие на службу обязывались отслужить не менее 6 лет. Экипировку приоб-

ретали за свой счет. Одесские греки собрали 1 325 рублей серебром для тех, кто не мог найти средства на экипировку. Из жителей греческой колонии Александровка одеть и вооружить себя смогли 44 человека. Якова Нагиева, Петара Николаева, Ивана Печенева, Геогра Бранова, Иоакима Полпова, Христо Ловчалию, Николу Попова, Пненгю Димова, Диму Калионджи, Алексея Бояджи приписали к 37-му Донскому казачьему полку полковника и кавалера Шапошникова [9, л. 22, 24–25]. После очередных перестановок волонтеров направили в 25-й Донской казачий полк к полковнику Зарубину. Горчаков предложил использовать Бугский уланский полк в низовьях Дуная. Павел Каменци – волонтер из г. Свищева по причине болезни лечился у дальних родственников в колонии Болград. Полковник Радлен, у которого он раньше служил, проезжая через колонии, оказал материальную помощь волонтеру. Узнав, что болгаров приписали к Бугскому уланскому полку, Каменци прибыл в Кишинев и 6 июня 1855 г. подал прошение с просьбой принять его в уланы [9, л. 315–316].

В середине декабря Горчаков подал военному министру Н.О. Сухазанету «Положение о легионе императора Николая I». 24 декабря 1855 г. Александр II утвердил положение. Отныне греческий батальон носил имя Николая I. Но война уже была фактически проиграна. Бессарабские болгары отправили делегацию в составе с И. Селиминским, П. Каланджи, К. Поповичем и Г. Забалканским к Александру II. От имени всего болгарского народа они просили не забыть о болгарях при проведении мирных переговоров [12, с. 29, 35]. 18 (30) марта 1856 г. в Париже был подписан мирный договор. России запрещалось иметь в Черном море военно-морские базы, арсеналы и военный флот. По договоренности «подданные, которые оказались виновными в каком-либо продолжении военных действий против неприятеля» получали амнистию.

17 апреля 1856 г. сербы и болгары выразили желание вернуться на родину, но с условием принятия российского гражданства. В 1-й роте под командованием Георгия Елича ходатайство подписали 1 младший офицер, 1 фельдфебель, 8 унтер-офицеров, 108 рядовых. В отряде Павла Громадова из г. Тырново – 13 младших

офицеров, 2 фельдфебеля, 2 связиста, 2 знаменосца, 28 унтер-офицеров, 302 волонтера [6, л. 80–81]. Однако их требования не были удовлетворены, потому что желающие должны были проживать в России не менее 3 лет.

Для возвращения болгарских семей российское правительство выделило 40 тыс. рублей. Сложнее оказалось с волонтерами. Волонтеры, возвращающиеся домой, получили полугодовое содержание. Греков отправили тремя партиями морем через Одессу в Пиренеи. Однако по прибытии в порт только 300 греков по национальности смогли ступить на турецкую землю. Остальных волонтеров полиция арестовала, деньги и вещи у них конфисковали. Несколько человек бежали, скрываясь на территории греческого посольства. Позже дипломаты тайком переправили несчастных в Галац. Волонтеры добрались до Измаильского карантина. Но здесь их бедствия продолжались. Карантинное правление без документов, голых, не пропускало их, защитников Севастополя, через границу. Только ходатайство бессарабских волонтеров помогло пленникам. Однако свое полугодовое жалование беженцы так и не вернули [6, л. 56]. Не все греки смогли вернуть себе гражданство по возвращению в Отечество, поэтому многие из них, нанявшись на суда иностранных компаний, искали путь в Россию, где им оказывали всяческое содействие. 200 греческих и 80 болгарских волонтеров, склонных к занятию крестьянским трудом, по проекту Э.О. Ришилье поселили в Крыму на землях переехавших в Турцию татар и ногайцев [2].

В 1856 г. для болгар впервые открыли 10 вакансий в кадетском корпусе и 75 – в учебных заведениях духовного ведомства. Поверенный в делах А.П. Озеров подготовил предписание № 179 Андрианопольского консульства о выдаче по 500 пиастров в месяц болгарским юношам, пожелавшим поехать учиться в Россию [12, с. 78, 108]. Проиграв войну, Россия продолжала создавать прочную идейную базу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова, Е. В. Из прошлого Новороссии: сербы на окраине русских границ (1750–1760-е гг.) / Е. В. Белова // Новый исторический вестник (РГГУ). – 2008. – № 3 (17). – С. 39–49.
2. Белова, Е. В. Формирование волонтерских отрядов из жителей Балкан и Придунайских княжеств во время Крымской войны / Е. В. Белова // Новый исторический вестник (РГГУ). – 2007. – № 2 (16). – С. 19–31.
3. Бланки, М. Об общественном состоянии народонаселения Европейской Турции. Из лекции путешественника Бланки в Парижской Академии наук / М. Бланки // Москвитянин. – 1842. – № 2. – С. 666–678.
4. Зайончковский, А. М. Восточная война 1853–1856 : в 2 т. / А. М. Зайончковский. – СПб. : Полигон, 2002. – Т. 1. – 677 с.
5. Конобеев, В. Д. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1853–1854 гг. / В. Д. Конобеев // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1965. – Т. XXIX. – С. 134–177.
6. Легион волонтеров // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 5456.
7. Лоран, Н. Переселение болгар / Н. Лоран // Одесский вестник. – 1854. – 29 июля.
8. О болгарине Райчо Николаеве // РГВИА. – Ф. 9196. – Оп. 2/243. – Св. 30. – Д. 195.
9. О валашских и молдавских волонтерах. – РГВИА. – Ф. 9196. – Оп. 2/243. – Св. 30. – Д. 148.
10. Пригарин, А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX / А. А. Пригарин. – Одесса ; Измаил ; Москва : СМЛ : Археодоксия, 2010. – 528 с.
11. Рачинский, А. В. Походные письма ополченца из Южной Бессарабии, 1855–1856 / А. В. Рачинский. – М. : Тип. А. Семина, 1858. – 76 с.
12. Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. – София : БАН, 1987. – Т. 1, ч. 1. – 505 с.
13. Санкт-Петербургские новости. – 1854. – 24 окт. (№ 237).
14. Симонов, И. Деятель духовного пробуждения болгар / И. Симонов // Русин. – 2007. – № 32 (8). – С. 80–82.
15. Терентьева, Н. Греки в Украине: экономическая и культурно-просветительская деятельность (XVII–XX вв.) / Н. Терентьева. – Киев : АКВИЛОН-ПРЕСС, 1999. – 352 с.
16. Хаджиниколова, Е. Адрианопольский мир и формирование болгарской общины из г. Лясковец в Кишиневе (1830–1840) / Е. Хаджиниколова // Война, открывшая эпоху в истории Балкан: к 180-летию Адрианопольского мира. – М. : Ин-т Славяноведения РАН, 2009. – С. 141–153.
17. Шильдер, Н. К. Кн. Паскевич и кн. М.Д. Горчаков на Дунае в 1854 г. / Н. К. Шильдер // Русская старина. – 1875. – Т. XIV, № 10. – С. 380–392.

18. Шульман, Е. Миссия валахского ворника П. Драгунеску в Россию (1736–1737 гг.) / Е. Шульман // *Вековая дружба*. – Кишинев : Штиинца, 1961. – С. 37.

REFERENCES

1. Belova E.V. Iz proshlogo Novorossii: serby na okraine russkikh granits (1750–1760-e gg.) [From the Past of New Russia: Serbs at the Russian Borders (1750–1760s)]. *Novyy istoricheskiy vestnik (RGGU)*, 2008, no. 3 (17), pp. 39–49.
2. Belova E.V. Formirovanie volonterskikh otryadov iz zhitel'ey Balkan i Pridunayskikh knyazhestv vo vremya Krymskoy voyny [The Formation of Volunteer Detachments in the Balkans and the Danubian Principalities during the Crimean War]. *Novyy istoricheskiy vestnik (RGGU)*, 2007, no. 2 (16), pp. 19–31.
3. Blanki M. Ob obshchestvennom sostoyanii narodonaseleniya Evropeyskoy Turtsii. Iz lektsii puteshestvennika Blanki v Parizhskoy Akademii nauk [On the Social Condition of the Population of European Turkey. From the Lecture of the Traveler Blanki Forms in the Paris Academy of Sciences]. *Moskvityanin*, 1842, no. 2, pp. 666–678.
4. Zayonchkovskiy A.M. *Vostochnaya voyna 1853–1856. V 2 t. T. 1* [Eastern War 1853–1856. In 2 vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Poligon Publ., 2002. 677 p.
5. Konobeev V.D. Natsionalno-osvoboditelnoe dvizhenie v Bolgarii v 1853–1854 gg. [The National Liberation Movement in Bulgaria in 1853–1854]. *Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya AN SSSR. T. XXIX* [Scientific Notes of Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. XXIX]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1965, pp. 134–177.
6. Legion volonterov [Legion of Volunteers]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 846, Op. 16, D. 5456.
7. Loran N. Pereselenie bolgar [The Migration of the Bulgarians]. *Odesskiy vestnik*, 1854, July 29.
8. O bolgarine Raycho Nikolaev [On the Bulgarian Rico Nikolaev]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 9196, Op. 2/243, D. 195.
9. O valashskikh i moldavskikh volonterakh [On Walachian and Moldavian Volunteers]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 9196, Op. 2/243, D. 148.
10. Prigarin A.A. *Russkie staroobryadtsy na Dunae: formirovanie etnokontsionalnoy obshchnosti v kontse XVIII – pervoy polovine XIX* [Russian Old Believers in the Danube: Formation of the Ethno-Religious Community in the Late 18th - First Half of 19th Century]. Odessa; Izmail; Moscow, SMIL Publ.; Arkheodoksiya Publ., 2010. 528 p.
11. Rachinskiy A.V. *Pokhodnye pisma opolchentsa iz Yuzhnoy Bessarabii, 1855–1856* [Camp Letters from Southern Bessarabia, 1855–1856]. Moscow, Tip. A. Semina, 1858. 76 p.
12. *Rusiya i blgarskoto natsionalno-osvoboditelno dvizhenie. 1856–1876. Dokumenti i materialy. T. 1. Ch. 1* [Russia and Bulgarian National Liberation Movement. 1856–1876. Documents and Materials. Vol. 1. Part 1]. Sofia, BAN Publ., 1987. 505 p.
13. *Sankt-Peterburgskie novosti* [Saint Petersburg News], 1854, Oct. 24, no. 237.
14. Simonov I. Deyatel' dukhovnogo probuzhdeniya bolgar [The Figure of the Spiritual Awakening of the Bulgarians]. *Rusin*, 2007, no. 32 (8), pp. 80–82.
15. Terentyeva N. *Greki v Ukraine: Ekonomicheskaya i kulturno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' (XVII–XX vv.)* [Greeks in Ukraine: Economic and Cultural-Educational Activities (17–20th Centuries)]. Kiev, AKVILON-PRESS Publ., 1999. 352 p.
16. Khadzhinikolova E. Adrianopolskiy mir i formirovanie bolgarskoy obshchiny iz g. Lyaskovets v Kishineve (1830–1840) [Adrianople Peace and the Formation of the Bulgarian Community from the Town of Lyaskovets in Kishinev (1830–1840)] *Voyna, otkryvshaya epokhu v istorii Balkan: K 180-letiyu Adrianopolskogo mira* [The War Which Started the Era in Balkan History: to the 180th Anniversary of Adrianople Peace]. Moscow, Institut Slavyanovedeniya RAN, 2009, pp. 141–153.
17. Shilder N.K. Kn. Paskevich i kn. M.D. Gorchakov na Dunae v 1854 g. [Paskevich and M.D. Gorchakov on the Danube in 1854]. *Russkaya starina*, 1875, vol. 14, no. 10, pp. 380–392.
18. Shulman E. Missiya valashskogo vornika P. Dragunesku v Rossii (1736–1737 gg.) [Mission of Walachian City Mayor P. Draganescu in Russia (1736–1737)]. *Vekovaya družba* [Centuries-Old Friendship]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1961, p. 37.

Information About the Author

Elena V. Belova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Tourism and Intercultural Communication, Moscow State Pedagogical University, Malaya Pirogovskaya St., 1, 101006 Moscow, Russian Federation, lenalibe2009@yandex.ru.

Информация об авторе

Елена Владимировна Белова, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и межкультурных коммуникаций, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, 1, 101006 г. Москва, Российская Федерация, lenalibe2009@yandex.ru.